

УДК 80

АНТОНОМАСИЯ В АСПЕКТЕ ИМПЛИЦИТНОГО СМЫСЛА ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Яковенко Татьяна Игоревна

канд. филол. наук

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье троп антономасия рассматривается как способ выражения имплицитных смыслов. Автор связывает понятие антономасии с именем собственным (онимом), утверждая, что его метафорический контекст в составе антономасии может быть имплицитным. Антономасия, сформированная с опорой на форму множественного числа онима, связана с реализацией эллиптического плюраля.

Ключевые слова: антономасия; имплицитный; оним; метафорический; эллиптический плюраль; парафраза; синекдоха.

ANTONOMASIA IN THE ASPECT OF HONYM IMPLICATION

Yakovenko Tatiana Igorevna

candidate of philology

South federal university, Rostov-on-Don

Abstract. The article is devoted to consideration of trope antonomasia as a way of expressing implicit meanings. The author connects the notion antonomasia with proper name (honym), stating the fact that its metaphorical context within antonomasia can be implicit. Antonomasia, formed with plural form of homonym, is connected with elliptical plural.

Key words: antonomasia; implicit; homonym; metaphorical; elliptical plural; paraphrase; synecdoche.

Автономасия основана на одновременной реализации двух планов значений – предметно-логического (номинативного) и назывного. Наричательное имя обладает предметно-логическим значением, имя собственное – назывным (нарицательные имена переводятся на другие языки, а собственные, как правило, не переводятся вследствие отсутствия прямой соотнесенности с референтом – предметом действительности в его физической реальности). Но поскольку имена собственные нередко образуются от нарицательных, они могут сохранять имплицитное предметно-логическое значение (ср. так называемые «говорящие» имена, где предметно-логическое значение умышленно выдвигается на первый план).

В пособиях по риторике отмечается сходство автономасии и синекдохи, так как «отношение между Цицероном и множеством ораторов в принципе сводимо к отношениям между видом и родом» [1, с. 188]. Как считает И.Р. Кацба [2, с. 6], автономасия может быть определена как стилистическая фигура, «основанная на эксплицитном проявлении имплицитно заданного экспрессивного значения у собственного имени», фактически это «стилистическое использование «значащих» имен» [2, с. 10].

Анализируя творческую манеру использования имен собственных известным журналистом М. Соколовым, А.Д. Шмелев [2002: 263] пишет: «... все в мире повторяется. Актеры современной политической сцены и ситуации, в которых они действуют, уже давно встречались в истории или описаны в художественной литературе. Поэтому достаточно упомянуть соответствующее имя собственное, чтобы напомнить читателю, что ничего нового в описываемых событиях нет. Порывшись в памяти, всегда можно найти нечто аналогичное и тем самым правильнее судить о современности. Тем самым, когда Максим Соколов называет кого-либо из персонажей современной политической жизни *Чичиковым* или *Коробочкой*, – это не просто метафора, а почти утверждение субстанциального тождества. Прием, очевидно, восходит к Владимиру Соловьеву,

озаглавившему одну из своих статей «*Порфирий Головлев о свободе и вере*» и рассматривавшему печатное выступление своего оппонента так, как если бы оно действительно принадлежало перу персонажа «Господ Головлевых».

При кажущемся сходстве понимания сути антономасии в различных источниках, при определении границ этого явления у различных авторов нет единства. Предельно широкое понимание антономасии (как любого переименования, связанного прежде всего с онимом, но не только с онимом), содержится в терминологическом словаре В.П. Москвина [3, с. 5]:

Антономасия – 1. Прием замены имени собственного:

а) парафразой (*певец Фелицы* вместо *Державин*; б) нарицательным именем (*Как сказал поэт, кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей; поэт* вместо *Пушкин*). 2. Замена нарицательного имени именем собственным (*Афродита* вместо *красавица*). 3. Замена имени существительного эпитетом (*косой* вместо *заяц*).

Ср.:

At the Italian's fruit-stand on the corner he stopped and cast a contemptuous eye over the display of papered oranges, highly polished apples and wan, sun-hungry bananas.

*'Gotta da peach?' asked the Kid in the tongue of **Dante**, the lover of lovers* (O. Henry «Little Speck in Garnered Fruit»).

Только с именами собственными связывается понятие антономасии (антономазии) в «Общей риторике» Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной [4, с. 208-209], причем особо подчеркивается соотношение (по типу гипогиперонимической связи) с парафразой:

1. Троп, основанный на описательном обозначении лица вместо называния его по имени и фамилии; замена собственного имени описательным оборотом (***Герой Полтавы** – Петр I*);
2. Гибрид перифразы и метафоры с использованием собственного имени, зачастую общеизвестного, вместо нарицательного, назы-

вающего другое лицо, место, отрезок времени, наделенные сходными чертами (*Вы ревнивец. Нельзя быть таким **Отелло***. И. Ильф и Е. Петров «Золотой теленок»);

3. Гибрид перифразы, метафоры и метонимии, троп, основанный на использовании географического названия, места, связанного с какими-либо событиями, для обозначения сходных, типичных событий (*Рабовладельцы начинают уважать своих рабов лишь после **Куликовых полей***. Литературная газета).

Еще более узкую трактовку антономасии находим в работе [5:2005]: под ней понимается только употребление имени собственного во множественном числе.

В пособиях по риторике подчеркивается близость приема антономасии к метафоре. Справедливо отмечается сходство антономасии и синекдохи, ибо «отношение между Цицероном и множеством ораторов в принципе сводимо к отношениям между видом и родом» [2, с. 188].

*Каких потеряла, не ведаем,
В мальчиках тех страна
**Пушкиных и Грибоедовых,
Героев Бородина.***

(В. Солоухин «Вся Россия расстреляна...»)

*Песню «Журавли» пытались исполнять десятки певцов – **большие Хворостовские** и совсем маленькие Но никто не сравнился с Бернесом* (ТВ «Культура», 12 февраля 2011 г.).

Образные смысловые приращения обретаются словом как в минимальном контексте, так и в пространстве всего произведения, причем метафорический контекст может быть эксплицитным (собственно текстовым, дистрибутивным) и имплицитным (внетекстовым, культурно-ассоциативным). Ср.:

*И как изменилось понятие нравственности за какие-то сто лет.
Катерина изменила мужу и утопилась, не выдержав раздвоенности.*

Анна Каренина познала презрение общества, не говоря уж о том, что бросилась под поезд. А сейчас никакого общества и все Анны. Без Вронских (В. Токарева «Инфузория-туфелька»).

Ср. также, как в рассказе К. Мэнсфилд «Marriage a la Mode» дважды используется антономасийное выражение:

"I'm going to rescue your wife, selfish man. She's like an exquisite little Titania";

"Titania!" piped Moria.

Именем Титании Мойра называет Изабель. Как известно, Титания – персонаж комедии В. Шекспира «Сон в летнюю ночь», королева фей, жена Оберона, ревнивца, требующего покорности от своей гордой жены. Повторяясь дважды в тексте, имя *Titania* активизирует ассоциации Изабель с шекспировской королевой фей (шекспировская Титания просыпается, чтобы влюбиться в осоловленного Боттома; героиня К. Мэнсфилд – чтобы войти в группу бездарных ничтожеств, живущих за ее счет) и способствует соответствующей оценке Изабель, которая в ослеплении от богемы предпочитает жизни с любящим и терпеливым мужем общество ослоподобных бездельников.

Прецедентные имена исторических и мифологических персонажей часто являются основой антономасии:

"People should be more careful how they name their children", he ruminated. "I've got god-children. Blanche, one of'em is called – dark as a gypsy! Then ther's Deidre, Deidre of the Sorrows – she's turned out merry as a grig. As for young Patience, she might as well have been named Impatience and be done with it! And Diana – well, Diana – "the old Classical sholar shuddered. "Weighs twelewe stone now – and she's only fifteen!... Diana! They wanted to call her Helen, but I did put my foot down there. Knowing what her father and mother looked like!... I tried hard for Martha or Dorcas or something sensible – but it was no good, waste of breath... (A. Christie. The Labours of Hercules.)

Такие онимы, как Наполеон, Отелло, Иуда, имеют общекультурный характер как в словарном, так и метафорическом употреблении, что и обеспечивает широкую распространенность подобных сублимированных знаков.

В языке сложились устойчивые антономасии с явными основаниями для переносного обозначения: 1. по внешности: *Квзимодо, Адонис*; 2. по характеру: *Тартюф, Молчалин*; 3. по поступкам: *Дон-Жуан, Герострат*. Но все-таки чаще, при всей упрощенности понимания прецедентного имени в качестве носителя одной ведущей черты, актуализируется некоторая совокупность связанных между собой свойств: *Бонапарт, Гамлет, Дон-Кихот*.

Информативная прозрачность антономасий облегчает дешифровку, служит средством экономного представления важного содержания:

After all, we from our heroes in our own likeness. A Caligula or a Napoleon leaves a great raw birth-mark on the fatty degenerate tissue of our history (L. Durrell «Тунс»).

Антономасия может занимать сильную позицию, то есть помещаться в заголовок. Упоминание имени *Макбет* отсылает читателя к трагедии В. Шекспира, ср. у Н. Лескова *Леди Макбет Мценского уезда*. Или ср.: *Гамлет Щигровского уезда, Степной король Лир* И.С. Тургенева. Заголовок является одновременно и частью текста, и дотекстовым сигналом. На дотекстовом уровне заголовок призван привлечь читателя, воздействуя на его эмоции и взывая к интеллекту. Воздействуя на фреймовую структуру сознания читателя, заголовок начинает им управлять. Термин «сильная позиция» является заимствованием из фонологии. И.В. Арнольд [6:1978] при изучении начального и завершающего сегмента художественного текста, а также главы и строфы в аспекте «стилистики декодирования» сочла возможным применить этот термин к лингвостилистическому описанию. С ее точки зрения, особую роль играет отношение к тексту со стороны рецепиента. Та часть текста, которая

является его сильной позицией, может быть понята и вне оставшейся части этого текста.

Хотя множественное число онима не является обязательным условием формирования антономасии, однако именно эта форма оказывается типичной, ср.:

Не твое дело... в Гоголи лезть да в Крыловы (А. Чехов «Водевиль»);

Тристан и Изольда: любовь в себе. Сейчас все кончается, потому что ничто не чинится... Чинятся: вещи – ремесленниками, люди – врачами, ну а любовь чем? Рублями, пожалуй: подарками поездками, премьерами. Мало ведь Тристанов и Изольд (Цветаева «Записные книжки и дневниковая проза»);

*...ведь вся моя жизнь – жизнь трех сестер, только не трех, а одной, без двух других, без эхо, без всего, что у тех, счастливых, было, и главное – с достоверной невозможностью Москвы – и не только Москвы достоверной, но и всех и всяческих **Москв!*** (М. Цветаева «Критику»);

Ср. антономасию на основе множественного числа от аббревиатурного имени собственного:

То было время первых Днепрогэсов... (Н. Доризо «Яков Джугашвили»).

Многие авторы (И.Р. Кацба, Е.Ю. Рубцова, Г.Д. Архипкина) связывают антономасию, опирающуюся на формы множественного числа, с реализацией так называемого эллиптического плюраля. Эллиптический, или недостаточный, плюраль иллюстрирует подготовительный этап в становлении отвлеченной категории количества. Опорой эллиптического плюраля является максимальное различие элементов, объединенных во множестве. Иначе эллиптический плюраль характеризуется как множество с маркированным (выделенным подмножеством). Ср., например, смысл онима в последнем примере: *‘Днепрогэс + другие гидроэлектростанции, построенные в годы первых советских пятилеток’*. Как видим,

множество здесь передается как неоднородное (в отличие от случаев амплифицирующего плюраля, где различия между элементами, составляющими множество, минимальны).

Ср. также пример, где формы множественного числа антропонима использованы синкретично: с одной стороны, это традиционное общеязыковое значение 'семья' (*Ивановы* = 'семья Ивановых'), а с другой стороны – в контексте они приобретают черты антономасии и передают имплицитный смысл 'знакомые семьи, друзья':

*One of my most vivid memories is of coming back west from prep school and later from college at Christmas time. Those who went father than Chicago would gather in the old dim Union Station at six o'clock of a December evening with a few Chicago friends already caught up into their own holiday gayeties to bid them a hasty goodbye. I remember the fur coats of the girls returning from miss This or That's and the chatter of frozen breath and the hands waving overhead as we caught sight of old acquaintances and the matchings of invitations. "Are you going to **the Ordways'**? **the Herseys'**? **the Schultzes'**?" and the long green tickets clasped tight in our gloved hands. And last the murky yellow cars of the Chicago, Milwaukee and St. Paul Railroad looking cheerful as Christmas itself on the tracks beside the gate..."* (F. Fitzgerald).

Одно из самых ярких воспоминаний моей жизни – это поездки домой на рождественские каникулы, сперва из школы, позднее – из университета. Декабрьским вечером все мы, кому ехать было дальше Чикаго, собирались на старом, полутемном вокзале Юнион-стрит; забежали наспех проститься с нами наши друзья-чикагцы, уже закружившиеся в праздничной кутерьме. Помню меховые шубки девочек из пансиона мисс Такой-то или Такой-то, пар от дыхания вокруг смеющихся лиц, руки, радостно машущие завиденным издали старым знакомым, разговоры о том, кто куда приглашен («Ты будешь у Ордуэев? У Херси? У Шульцев?»), длинные зеленые проездные билеты,

зажатые в кулаке. А на рельсах, против выхода на платформу, – желтые вагоны линии Чикаго – Милуоки – Сент-Пол, веселые, как само Рождество...!

Очевидно, что в данном примере формы множественного числа антропонимов передают имплицитный смысл «друзья», а также помогут читателю воссоздать картину возвращения домой, в привычную обстановку, к знакомым и любимым людям.

Список использованной литературы

1. Дюбуа Ж., Эделин М. и др. Общая риторика. Пер. с франц. Е.Э. Разлоговой и Б.П. Нарумова. М.: Прогресс, 1986. 390 с.
2. Кацба И.Р. Формы множественного числа от имен собственных: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 1989. 22 с.
3. Москвин В.П. Аргументативная риторика. Теоретический курс для филологов. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. 637 с.
4. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических фигур. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 317 с.
5. Рубцова Е.Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 151 с.
6. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23-31.
7. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
8. Эффективная коммуникация: история, теория, практика. Словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов. М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005. 960 с.